

Мызников С.А.
г. Санкт-Петербург

О некоторых аспектах этимологического анализа коми лексики

Коми язык вступал в ходе своей истории в контакты с иранскими, тюрскими, прибалтийско-финскими языками [14], саамским языком [23: 54-67], а взаимодействие с русским (древнерусским) языковым континуумом насчитывает многие сотни лет. При этимологическом анализе любого языкового материала нередко основными становятся следующие аспекты общего плана:

- а) выявление одновременных лексических пластов.
- б) дифференциации исконных и заимствованных единиц.
- в) учет возможностей гетерогенных схождений.

Кроме того, на наш взгляд, например, результаты контактов прибалтийских финнов с пермским языковым континуумом вряд ли можно исследовать без учета целостной этноязыковой картины зоны взаимодействия. Хотя уже отмечалось, что «наиболее последовательно изучена контактная лексика поздних коми-карело-вепсских связей, однако прибалтийско-финско-пермские контакты не исчерпываются этими взаимоотношениями. Данные археологии и топонимики, свидетельствующие о сложных процессах этно- и лингвогенеза финно-угров на северных территориях, позволяют предполагать более древние и существенные результаты языкового взаимодействия, нежели простые заимствования, поддающиеся этимологизации средствами современных языков» [25: 172].

Остановимся на некоторых практических сторонах этимологического анализа.

Когда лексическая единица коми языка фиксируется в каком-либо одном диалекте, не всегда продуктивно рассматривать ее только на финно-угорском

фоне. Ср. коми ижем. *sak* 'пила-ножовка', которое авторы КЭСНЯ соотносят с прибалтийско-финскими данными [11: 248]. Притом, что в прибалтийско-финских языках это слов не является исконным, а заимствовано из скандинавских языков, ср. древнешвед. **sag*, по письменным источникам *sagh*, *sogh* 'пила', совр. норв. *sag* 'пила', ср. также саам. швед. *sako*, *sag* 'пила' [41: 943]. На германо-славянской почве можно привести русск. сечь, секира, при латин. *secare* [34: 678]. Кроме того отмечаются сходные севернорусские данные, ср. са'га 'пила-ножовка' Кем. (Поньгома) [8], «небольшая пила с одной ручкой» Антропов. Костром. [32: 6]. Причем некоторые русские варианты: сак 'пила-ножовка' Холмог., Верхнетоем. Арх., сак своедельный 'пила' Печор. [9], – можно рассматривать в качестве источника для коми лексемы. Ср. также: русск. сачо'к 'пила-ножовка' Терск. Мурман. (Варзуга) [9]. Онеж., Беломор. [9], са'чок 'маленькая пила, ножовка' Онеж. [8: 636]. Севернорусское са'га имеет прибалтийско-финские корни, ср. фин., кар. *saha* 'пила' [41: 943; 39: 258]. Форма русск. сак может быть результатом прямого скандинавского влияния, однако нельзя исключать и саамского посредства.

В КЭСНЯ анализируется лексема коми кобр., язвин. *сень* 'печень рыбы', с общепермской реконструкцией - * *s'en'*. Отмечается, что «происхождение неясно; заманчиво сопоставить с удм. *сеньки* 'трут', мар. *шен* 'то же', фин. *sieni* 'гриб, губка', однако это сравнение встречает трудности семантического характера» [11: 250]. На наш взгляд, в данном случае результат сложных этноязыковых контактов прибалтийских финнов, севернорусских и коми. Так русск. *сень* 'рыбьи внутренности, потроха' Пудож. (Римское), Терск. (Чаваньга) [17; 8], *се'нье* 'то же' Медвежьегор. (Шильтя) [17]. Коми *сень* 'рыбья печень' следует рассматривать как результат русского влияния [4: 39; 1: 512]. Имеются также другие обширные русские данные: *сенё'к* 'печень налима и другой рыбы Пудож. [17], «зобок налима» Пудож. [10], «желудок семги» Кандалакш. [16], «желудок сига» Пудож. [9], «часть внутренностей у животных или рыб» Ср. Урал [9], 'селезенка' Костром. [22: 37], Ишим. Тобол. [9], Соликам. Перм. [3]; *синё'к* 'сердце' Соликам. Перм. [9]; *сеньки* «потроха налима» Грязов. [Дилакторский], «молоки налима» Нерч. Иркут. [9], 'внутренние органы, внутренности (человека и животных)' Режев. Свердлов. [20], Костром. [22: 37].

В отношении происхождения русских данных было высказано несколько версий.

И.С. Меркурьев полагал, что слово *сенёк* заимствовано из финского языка, ср. фин. *syän* 'сердце' [16]. Ср. также кар. *šeän*, *šiän*, *siän* 'сердце, внутренности' [41], при манс. *šem* 'сердце, внутренности', коми *šělēm*, но, однако, наличие сходного русского диалектного материала заставляет весьма осторожно относиться к данному предположению. Некоторая семантическая диффузия связана с лексикографическим описанием материала. Так, например, в СРГСУ представлено слово *сенёк* «часть внутренностей (селезенка, поджелудочная железа, печень, желчный пузырь) у животных или рыб» при иллюстрации: «У налима *сенёк* большой, литературно – селезенка» (Коптел. Свердлов.). Однако толкование, данное информантом, следует рассматривать в

контексте диалектной семантики, – речь идет о печени налима, которая употребляется в пищу и поэтому имеет традицию номинации в говорах с различной лексической манифестацией.

Костромские данные О.Б.Ткаченко рассматривает как мерянский субстрат [22: 191, 37], однако, вряд ли возможен их анализ, изолированный от общерусского фона.

Поскольку русск. сень 'печень рыбы' соотносится со словом ксень 'печень рыбы' семантически и ареально, то этот свидетельствует о их взаимосвязи и первичности последнего. Ср. следующие данные: ксень 'печень рыбы' Пудож. (Челмужи) [10], «печень налима» Алт., 1859. Том. Тобол., «жир налима, считающийся лакомством» Тобол., 1911-1920, рыбы внутренности, потроха' Кольск. Арх., Том. [21: 15, 373]; ксе'нье 'рыбы внутренности, потроха' Медвежьегор. (Сенная Губа, Шуньга, Челмужи), Прионеж. (Суйсарь) [17]; ксенё' 'рыбы внутренности, потроха' Кольск. Арх. [21: 15, 373]; ксе'нья 'рыбы внутренности, потроха' Медвежьегор. (Великая Губа, Загубье, Палтега, Толвуя), Кондоп. (Тулгуба, Колгостров) [17]; ксенё'к 'печень рыбы' Пудож. (Челмужи) [10; 21: 15, 372]. Имеются сходные славянские данные, ср. польск. *ksieniec* 'рыбы внутренности, продолговатая печень щуки' [24: 2, 393].

На наш взгляд, весьма вероятно, что контаминационное взаимодействие прибалтийско-финских данных и русских (ксень) привело к образованию варианта без [к], что обусловлено спецификой фонетической системы севернорусских говоров, в которых, видимо, на определенном этапе их развития, позиция первого согласного, в слоге двух согласных + гласная, являлась слабой, так же как и в прибалтийско-финских языках.

В ряде случаев коми данные в настоящее время, могут наполняться сопоставлениями на финно-угорской почве: коми *эмөр* 'смородина', удм. *сумэр* 'то же' [11: 272], при вепс. *s'estr'ikaine* 'красная смородина', фин. *siestsra*, *siesteri*, фин. диал. юго-вост. *siesterläinen*, фин. диал. юго-зап. *siestarain*, *siestarainen*, люд. *sestroj*, эст. *sõstar* [38: 216, 217], люд. *sestroj* 'красная смородина', при эст. *sõstar*, морд. эзя *tšukštorov*, мокш. *sukštoru* 'черная смородина', коми *setör*, мар. *šep̄ter*, *suter* [42: 3, 174]. Из эстонского языка слово было заимствовано латышским – латыш. *zusteri* 'смородина' [41: 1010]. Современные вепсские материалы – вепс. *sestr'ikaine*, *sestrikäine* 'красная смородина' [19: 506] идентичны материалам Я. Калимы. Из вепсского языка слово вошло в русские говоры, но ареал его не выходит за пределы вепсского языкового влияния: сестрени'ка 'красная смородина' Подпорож. (Заозерье, Корба, Курпово, Пидьма, Согиницы, Ульино, Усланка, Шеменичи, Яндеба), Кондопож. (Тулгуба, Кулмукса), Прионеж. (Заозерье), Лодейноп. (Тененичи, Янгиничи, Имоченицы) [17].

Таким образом, такого рода полный анализ имеющихся в распоряжении лексических данных при учете результатов языковых контактов позволяет более корректно выдвигать этимологические версии и их верифицировать.

Литература

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – Новосибирск, 1997. – 774 с.
2. Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. – М., 1982.
3. Беляева О.П. Словарь Соликамского района Пермской области. – Пермь, 1973. – 706 с.
4. Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка. В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев // Коми филология. Труды института языка, литературы и истории, № 18. – Сыктывкар, 1975. – С. 3-37.
5. Дубровина З.М., Лудыкова В.М. Некоторые черты исконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (м-овый инфинитив) // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 2. – М., 1990.
6. Жижева В.Е. Освоение прибалтийско-финских заимствований коми языком. История изучения вопроса // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. – Петрозаводск, 2002.
7. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. – М., 1962.
8. КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».
9. КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров».
10. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.
11. КЭСКОЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.
12. Лыткин В.И. Историческая морфология коми языка. – Пермь; Сыктывкар, 1995.
13. Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. – М., 1961.
14. Лыткин В.И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах. // Сб. Академику В.В. Виноградову. – М. 1956. – С. 173-189.
15. Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. – Budapest, 1964. Т. 14, F. 3-4. – С. 285-315.
16. Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. – Мурманск, 1979.
17. ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование автора.
18. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.
19. СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. – Л., 1972.
20. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под. ред. А.К. Матвеева. Тт. 1-7. – Свердловск, 1964-1988.
21. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1- 43. – М., Л., СПб., 1965-2010.

22. Ткаченко О.Б. Мерянский язык. – Киев: Наукова Думка, 1985.
23. Туркин А.И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики: Препринт ИЯЛ АН Эстонской ССР. Вып. 31. – Таллин, 1985.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1-4. – М., 1964-1973.
25. Федюнева Г.В. О прибалтийско-финском компоненте в коми языке // Известия Уральского государственного университета. 2008, № 55. – С. 172-180.
26. Хаузенберг А.-Р. Ред. на кн.: Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. – Helsinki, 2000. – 376 S. // Linguistica Uralica. 38, № 4. – Tallinn, 2002.
27. Хаузенберг А.-Р. К проблеме ареальных инноваций в коми языке // Пермистика-8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар, 2001.
28. Хаузенберг А.-Р. Некоторые вопросы истории коми языка в свете теории контактов // В.И. Лыткин и финно-угорский мир. – Сыктывкар, 1999.
29. Хаузенберг А.-Р. О некоторых явлениях конвергентного развития и взаимовлияния языков // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. – Петрозаводск, 1979.
30. Цыпанов Е.А. Коми кыв. Самоучитель коми языка. – Сыктывкар, 1992. – 288 с.
31. Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. – М., 2002. – 230 с.
32. ЯОС- Ярославский областной словарь. Вып. 1-10. – Ярославль, 1981-1991.
33. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys // Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. – Helsinki, 2000.
34. EOND - Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. – Oslo, 1999. – 1089 s.
35. Hausenberg A.-R. Die ostseefinnisch-permischen Kontaktwörter in Zeit und Raum // Eesti NSV Teaduste akademia: Preprint KKI-30. – Tallinn, 1985.
36. Hausenberg A.-R. Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä // Congr. Octavus Internat Fenno-Ugristarum VIII. – Jyväskylä, 1995. – P. 4.
37. Hausenberg A.-R. Probleme der ostseefinnisch-permischen Sprachkontakte // Eesti NSV Teaduste akademia: Preprint KKI-23. – Tallinn, 1983.
38. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. – Helsingfors, 1915.
39. KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1- 5 // LSFU, XVI, 1-5. – Helsinki, 1968-1997.
40. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. B.I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Bd. 2. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. – Budapest, 1988.
41. SKES - Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. – Helsinki, 1955 – 1981.
42. SSAP - Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1-3. – Helsinki, 1992 – 2000.
43. SYRW - Wichman Y., Uotila T.E. Syrjänischer Wortschatz // LSFU. VII. – Helsinki, 1942.